

> МАГИСТРАЛЪ >

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

Орландо

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Virginia Woolf
ORLANDO: A BIOGRAPHY

Перевод с английского *Дарьи Целовальниковой*

Литературная редакция *Юлии Калистратовой*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Вулф, Вирджиния.

В88 Орландо / Вирджиния Вулф ; [перевод с английского Д. Целовальниковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-206240-7

«Орландо» — роман, разрушающий ограничения жанра, времени и самоопределения человека. Необыкновенный герой Вулф преодолевает разные препятствия, сложности человеческих эмоций, одержимость общества конформизмом — начиная с елизаветинской Англии и заканчивая 1928 годом, при этом оставаясь в возрасте 36 лет. Фантастическая история Орландо, нестареющего героя, охватывающая триста пятьдесят лет, на десятилетия опередила своё время.

Полуавтобиографический сатирический роман Вирджинии Вулф был вдохновлён жизнью её подруги Виты Сэквилл-Уэст — английской писательницы и журналистки.

При переводе сохранены авторские орфография и пунктуация.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206240-7

Посвящается
В. Сэвилл-Уэст

Вступительное слово

Эту книгу мне помогли написать многие мои друзья. Некоторые мертвы и настолько блистательны, что я едва осмеливаюсь назвать их имена, и все же невозможно читать и писать, не будучи в неоплатном долгу перед Дефо, сэром Томасом Брауном, Стерном, сэром Вальтером Скоттом, лордом Маколеем, Эмили Бронте, Де Квинси и Уолтером Патером — их имена приходят на ум в первую очередь. Остальные живы и по этой причине, пожалуй, внушают меньший трепет, хотя по-своему не менее блистательны. Я глубоко признательна мистеру Ч. П. Сэнгеру, без чьих знаний законов о недвижимости эта книга так и не была бы написана. Очень надеюсь, что широкая и весьма своеобразная эрудиция мистера Сидни Тернера уберегла меня от досадных ошибок. Мне посчастливилось воспользоваться познаниями мистера Артура Уэйли в китайском — насколько велик его вклад, судить лишь мне. Мадам Лопокова (миссис Дж. М. Кейнс) всегда рядом, чтобы помочь мне с русским языком. Пониманием искусства живописи, насколько это возможно в моем случае, я обязана безграничной отзывчивости и воображению мистера Роджера Фрая. Надеюсь, я извлекла пользу

из необыкновенно резкой и строгой критики моего племянника Джулиана Белла. Неустанные изыскания мисс М. К. Сноудон в архивах Харрогита и Челтнема были слишком трудоемкими, чтобы дать им пропасть зря. Прочие друзья помогали мне самыми разными способами, перечислить которые не представляется возможным. Я вынуждена ограничиться упоминанием мистера Ангуса Дэвидсона, миссис Картрайт, мисс Джанет Кейс, лорда Бернерса (чьи познания в музыке Елизаветинской эпохи оказались поистине бесценными), мистера Фрэнсиса Биррелла, моего брата — доктора Адриана Стивена; мистера Ф. Л. Лукаса, мистера и миссис Десмонд Маккарти, самого вдохновляющего из критиков — моего шурина мистера Клайва Белла, мистера Дж. Х. Райлендза, леди Коулфакс, мисс Нелли Боксолл, мистера Дж. М. Кейнса, мистера Хью Уолпола, мисс Вайолет Дикинсон; до-стопочтенного Дж. Эдварда Саквилл-Уэста, мистера и миссис Сент-Джон Хатчинсон; мистера Дункана Гранта; мистера и миссис Стивен Томлин; мистера и леди Оттолайн Моррелл, моей свекрови — миссис Сидни Вулф, мистера Осберта Ситуэлла, мадам Жак Равера, полковника Кори Белла, мисс Валери Тейлор, мистера Дж. Т. Шеппарда, мистера и миссис Т. С. Элиот, мисс Этель Сэндс, мисс Нэн Хадсон, моего племянника мистера Квентина Белла (наш давний и ценный соратник-литератор), мистера Рэймонда Мортимера; леди Джеральд Уэлсли; мистера Литтона Стрейчи, виконтессы Сесил, мисс Хоуп Мирлис, мистера Э. М. Форстера, достопочтенного Гарольда Николсона и моей сестры Ванессы Белл —

увы, список рискует чересчур растянуться и уже успел стать слишком именитым. Хотя он и пробуждает во мне самые приятные воспоминания, у читателя неизбежно появятся надежды, которые сама книга лишь обманет. Поэтому в заключение я хочу поблагодарить руководство Британского музея и Государственного архива за их неизменную любезность, мою племянницу мисс Анжелику Белл за услугу, которую никто, кроме нее, не смог бы оказать, и моего мужа за терпение, с которым он неизменно помогал мне в моих исследованиях, и за глубокие исторические познания, коим эти страницы обязаны той степенью точности, которой мне удалось достичь. Наконец, хотелось бы поблагодарить, не забудь я имя и адрес, джентльмена из Америки, который великодушно и безвозмездно исправлял ошибки в пунктуации, ботанике, энтомологии, географии и хронологии моих предыдущих работ и, надеюсь, не пожалеет своих сил и в данном случае.

Глава 1

Он — ибо никаких сомнений в половой принадлежности нашего героя быть не могло, хотя одежда той эпохи немало этому способствовала — был занят тем, что рубил голову мавра, висевшую на стропилах. По цвету и по форме голова напоминала старый футбольный мяч, не считая запавших щек и пары-другой прядей жестких, сухих, как волокно кокосового ореха, волос. Отец Орландо или, может, дед снес ее с плеч огромного язычника, выскочившего на него из залитых лунным светом дебрей Африки, и теперь она непрерывно покачивалась на сквозняке, который гулял по чердакам грандиозного особняка срубившего ее лорда.

Предки Орландо носились вскачь по лугам асфodelей, по каменистым пустошам, по полям, орошаемым чужестранными реками, и срубили с плеч множество голов, которые привезли домой и развесили на потолочных балках. Сам Орландо поклялся заняться тем же. Но поскольку ему было всего шестнадцать лет и он не мог отправиться в Африку или во Францию, юноша норовил улизнуть от матери и павлинов в саду и отправиться на чердак, где тренировал выпады и размахивал клинком, рассекая воздух. Иногда

он перерубал веревку и череп падал на пол, его приходилось вешать вновь, закрепляя на высокой балке не без доли отваги, и враг торжествующе усмехался иссохшими черными губами. Череп раскачивался взад-вперед, ибо особняк был таким огромным, что ветер, казалось, застрял в нем, как в ловушке, и дует и зимой, и летом. Зеленый гобелен с изображенными на нем охотниками колыхался постоянно. Предки Орландо принадлежали к знати испокон веку — они вышли из северных туманов прямо с венцами на головах. Сквозь окно с витражом огромного фамильного герба на пол падали темные полосы и желтые пятна света. Сейчас Орландо стоял посреди желтого тела геральдического леопарда. Он положил руку на подоконник, желая распахнуть окно, и та окрасилась в красный, синий и желтый, словно крыло бабочки. Любители символов и их толкований могли бы заметить, что в тот миг, когда стройные ноги, красивое тело и статные плечи юноши окрасились в разные геральдические оттенки, лицо его освещало лишь солнце. Более искреннего и своенравного лица вы точно не встречали! Счастлива мать, которая его выносила, но еще счастливее биограф, который повествует о жизни такого человека! Матери не в чем себя упрекнуть, а биографу нет нужды привлекать романиста или поэта. Перо следует за героем от подвига к подвигу, от триумфа к триумфу, из кабинета в кабинет, пока тот не достигнет любой вершины, какой пожелает. Судя по внешности, Орландо был создан именно для подобной стези. Румяные щеки покрывал легкий персиковый пушок, вокруг рта

он рос чуть гуще. Миниатюрные губы с чуть приподнятыми уголками обнажали зубы изысканно белые, словно очищенный миндаль. Нос прямой, как стрела, и столь же решительный, волосы — темные, уши — маленькие, плотно прижатые к голове. К сожалению, ни один перечень черт юношеской красоты не обходится без описания лба и глаз. Увы и ах, люди редко рождаются с неполным комплектом, ибо, взглянув на стоящего у окна Орlando, мы тут же признаем, что его глаза — как фиалки в росе, огромные и подернутые влагой, из-за чего кажутся еще больше и шире, лоб — мраморный купол, зажатый между гладких полусфер висков. Так взглянем же на глаза и лоб, кои воспевает! И тут мы вынуждены констатировать тысячу неприятных моментов, опускать которые — долг любого хорошего биографа. Взору нашего героя открылись образы тревожные, вроде его матери, очень красивой леди в зеленом, идущей кормить павлинов в сопровождении Твитчет, служанки, образы возвышенные — птицы и деревья, образы, навевающие любовь к смерти, — вечернее небо, грачи устраиваются на ночь; и так, поднимаясь по винтовой лестнице прямо в мозг — кстати, весьма объемный, — все эти зрительные образы, звуки из сада, стук молотка, удары топора положили начало буйству и разгулу страстей, которых терпеть не может любой хороший биограф. Тем не менее продолжим: Орlando медленно отступил от окна, сел за стол, достал тетрадь с надписью: «Этельберт: трагедия в пяти актах» и макнул в чернильницу старое, перепачканное гусиное перо.

Вскоре он настроил стихов по меньшей мере страниц на двадцать. Писал он, несомненно, бойко, но весьма абстрактно. Героями его пьес были Порок, Злодеяние, Страдание; короли и королевы несуществующих земель, против них велись ужасные заговоры, их переполняли благороднейшие чувства; и они не произнесли ни единого слова так, как произнес бы их автор — все дышало красноречием и любезностью, которую едва ли услышишь из уст юноши, не достигшего и семнадцати лет, к тому же на излете шестнадцатого века. В конце концов, дело застопорилось. Как и все юные поэты, Орландо описывал природу и, желая наиболее точно подобрать оттенок зеленого, бросил взгляд на реальный объект (и тем самым явил куда больше храбрости, чем многие), коим оказался лавровый куст под окном. После чего, разумеется, продолжить он не смог. В природе зеленый цвет один, в литературе — совершенно иной. По-видимому, между природой и буквами существует взаимная неприязнь: сведи их вместе, и они порвут друг друга в клочья. Оттенок зеленого, увиденный Орландо, испортил рифму и нарушил размер. Более того, у природы — свои хитрости. Стоит выглянуть в окно и посмотреть, как кружатся пчелы среди цветов, как зевает собака, как садится солнце, и подумать: «сколько еще закатов суждено мне увидеть» и так далее и тому подобное, как поэт роняет перо, хватается плащ, бежит вон из комнаты и спотыкается об расписной сундук. (Ибо Орландо слегка неуклюж.)

Он старательно избегал любых встреч. Вот на дорожке возник Стабс, садовник. Орландо укрылся

за деревом, ожидая, пока тот пройдет мимо, и выскользнул через калитку в садовой стене. Обогнул конюшни, псарни, пивоварни, столярные мастерские, прачечные, помещения, где делают сальные свечи, забивают быков, куют подковы, шьют колеты — целый город, кишачий людьми, занятыми всевозможными ремеслами, — и выбрался незамеченным на поросшую папоротником тропинку через парк, которая вела в гору. Вероятно, черты характера как-то между собой связаны — одна тянет за собой другую, и биографу следует привлечь внимание читателя к тому, что неуклюжесть часто сочетается с любовью к уединению. Споткнувшись о сундук, Орlando, конечно же, полюбил безлюдные места, бескрайние просторы, чувство одиночества и ныне, и присно, и вовеки веков.

После долгого молчания он наконец выдохнул: «Совсем один», приоткрыв уста впервые в нашей истории. Юноша быстро поднялся в гору через заросли папоротников и кустов боярышника, распугав оленей и лесных птиц, к полянке, увенчанной одиноким дубом. С ее вершины можно было увидеть девятнадцать графств, а в ясные дни, если погода стояла очень хорошая, — тридцать или даже сорок. Иногда вдали, где волна догоняла волну, проглядывал Ла-Манш. И реки с прогулочными лодками, и уходящие в море галеоны, и армады в клубах дыма от грохочущей канонады, и форты на побережье, и замки посреди лугов, и сторожевые башни, и крепости, и огромные особняки вроде дворца, принадлежавшего отцу Орlando, возвышались в долинах, словно

окруженные стенами города. На востоке виднелись лондонские шпили и городской дым, а на самой линии горизонта, если ветер дул с нужной стороны, среди облаков проступали скалистая вершина и зубчатые края горы Сноудон. На мгновение Орландо застыл, вглядываясь, подсчитывая, узнавая. Вот дом отца, вот дядин. Вон те три огромные башни среди деревьев принадлежат тетке, а ему с отцом — вересковая пустошь и лес с фазанами и оленями, лисами, барсуками и бабочками.

Юноша глубоко вздохнул и бросился наземь — в движениях его сквозил столь неподдельный пыл, что выбор слова вполне оправдан — у подножия дуба. Несмотря на скоротечность лета, Орландо любил прильнуть к земному хребту, за который сейчас принял твердый корень дерева, или — образы сменялись один за другим — к спине могучей лошади, к качающейся палубе корабля — да к чему угодно, лишь бы поверхность была твердой, ибо ощущал потребность привязать к чему-нибудь свое мятущееся сердце — сердце, которое не давало ему покоя, сердце, которое каждый вечер переполняли пряные любовные порывы, стоило выйти на прогулку. И Орландо привязывал сердце к дубу, лежа под трепещущей сенью, и постепенно успокаивался; листочки обвисали, олени застывали на месте, бледные летние облака замирали, руки и ноги наливались тяжестью, и он лежал столь неподвижно, что к нему подходили олени, над ним кружились грачи, ласточки ныряли и нарезали круги, мимо проносились стрекозы — все это изобилие и любовные игрища летнего вечера оплетали тело Орландо, словно паутина.